

Н.В.ВАЛЕРО-ГРАЧЕВ: ПУТЕШЕСТВЕННИК ИЛИ МИСТИФИКАТОР?

**О неизвестных путешествиях
русского ученого по Тибету и Индии**

А.И.Андреев

В архиве Института востоковедения в С.Петербурге в личном фонде китаиста Б.И.Панкратова хранится небольшая по объему — всего на 3-х страницах — рукопись, озаглавленная «Сообщение Н.В.Валеро-Грачева. О диком человекообразном существе в Монголии и Тибете» [1]. Меня она заинтересовала не столько содержащимися в ней сведениями о реликтовом гоминоиде, иначе говоря «снежном человеке», сколько самим фактом путешествия ее автора по Тибету.

«В течение нескольких лет, — рассказывает Валеро-Грачев, — мне довелось странствовать по Центральной Азии. Я был в Монголии, Забайкалье, Тибете. Владея монгольским и тибетским языками, я общался с местным населением, зачастую не подозревавшим во мне европейца». Далее он сообщает нам о том, что в Тибет он отправился с караваном паломников, при этом знакомый ему бурятский лама из Агинского дацана напутствовал его словами: «Иди, Только не испугайся алмаса» [2]. Алмас или алмаас — «снежный человек» по монгольски.

О времени проведенном в Тибете Валеро-Грачев говорит очень скупое — только то, что он жил в каких-то монастырях, «изучая буддизм и тибетскую медицину» и много расспрашивал местных лам о «человекообразных животных», оп тибетски «ми-ге». В частности, упоминаются две монастыря в Центральном Тибете, где ему чаще всего доводилось слышать рассказы о таинственных «ми-ге» — монастырь Биндо, о котором нам ничего не известно, и Сэра — один из трех крупнейших монастырей в окрестностях Лхасы. (В одной из школ последнего, между прочим, традиционно обучались бурятские ламы из Цугольского дацана).

Но кто такой Н.В.Валеро-Грачев? В какие годы он побывал в Тибете и почему о его путешествии ничего не знают ни отечественные, ни западные тибетологи? Здесь надо сразу же сказать, что личность и жизнь этого человека столь же загадочны как и его странствия по Центральной Азии. В уже упоминавшемся фонде Б.И.Панкратова находится единственный документ, содержащий крупницы сведений о путешественнике. Из него мы узнаем, что Николай Васильевич Валеро-Грачев родился в 1879 году, по профессии — «оперный режиссер, этно-географ и востоковед». С 1 августа 1945 по 31 декабря 1952 работал старшим библиографом технической библиотеки Центральной Научно-исследовательской Лаборатории Объединения Казахстан-нефть в г.Гурьеве. Этими семью с половиной годами, согласно документа, исчислялся весь трудовой стаж 73-летнего деятеля искусств и ученого! [3]. В рассказе Валеро-Грачева содержится еще один интересный факт — своим учителем он называет Г.Е.Грум-Гржмайло, с которым познакомился, по-видимому, в конце 1890-х, до того как вышел в свет русский перевод книги американца Рокхила «Путешествие в страну лам». (Был опубликован под редакцией знаменитого географа в 1901 г.).

Некоторый свет на биографию и путешествия Валеро-Грачева проливает биолог И.К.Фортунатов в своей заметке «К вопросу о "снежном человеке"». С Валеро-Грачевым он познакомился в 1949 году в Гурьеве на Урало-Эмбенской научно-исследовательской базе Академии наук Казахской АССР. Ниже приводится часть его сообщения:

«Н.В.Валеро рассказал мне о некоторых событиях своей жизни. Он уроженец С.Петербурга и сын отца-аристократа, фамилию которого не хотел назвать. Во время первой империалистической войны Н.В. работал в археолого-этнографической экспедиции, кажется, англо-индийской. Н.В. говорил мне, что провел несколько зимовок (две или три) в Гималаях в буддийских монастырях, где занимался розысками, описью и переводом книг. Он говорил, что легко пользовался 3-4 восточными языками.

В Индии Н.В. прожил всего около 12 лет и только в 1929-1930-х гг. (не знаю точно) получил возможность вернуться в Ленинград, где и жил до 1942 года. Во время блокады Н.В. в тяжелом состоянии был вывезен на самолете в восточные районы страны, где я с ним и встретился несколько позже.

Н.В. рассказывал мне, что он много ездил и подолгу жил в глубинных районах Гималаев. В одну из зимовок он жил в небольшом старинном буддийском монастыре на северных склонах одного из хребтов в восточной части Гималаев. К сожалению Н.В. упорно не хотел сообщить мне точное название и местонахождение этого монастыря. Он только говорил, что это место мало известное и подлинный заповедник старины. Мне удалось только заметить, что он помещается в северо-восточной части Непала или близко от

его границ. Во время этой зимовки Н.В. упорно и плодотворно разбирал и переводил древние рукописи и очень сдружился со старшим ламой, с которым жил в одной келье» [4].

В этом новом рассказе Валеро-Грачева Тибет не упоминается вовсе, хотя, конечно же, нельзя исключить того, что путешественник при желании мог совершить экскурсию из «глубинных Гималаев» на Тибетское плато. Правда, в таком случае он оказался бы в южном Тибете, а именно там, согласно его «Сообщению», ему и не довелось побывать. Сравнивая этот рассказ с предыдущим, нельзя не заметить, что речь в них идет о двух разных путешествиях — назовем их условно «Монголо-Тибетским» и «Гималайским». В первое Валеро-Грачев отправился из Монголии с караваном паломников, очевидно выдавая себя также за паломника, однако мы не знаем когда; второе совершил с территории Индии в качестве участника научной экспедиции — предположительно англо-индийской, «в годы империалистической войны». Но рассказывая о своих путешествиях Валеро-Грачев словно бы чего-то недоговаривает. Кажется, что он умышленно опускает в своих рассказах довольно важные с нашей точки зрения детали. Так, он упорно не желает сообщить Фортунатову название и местонахождение гималайского монастыря, в котором жил. Ничего не говорит Валеро-Грачев и о том как попал в Индию и когда — до или после начала мировой войны (в последнем случае следует предположить, что ему каким-то образом удалось избежать призыва в армию). Немало вопросов возникает у нас и в связи с «археолого-этнографической экспедицией», в которой он участвовал, — кто ее снаряжал и возглавлял, какие цели она преследовала, какую роль играл в ней русский путешественник и т.п.?

Определенные сомнения вызывают и сведения о незаурядных лингвистических способностях Валеро-Грачева — свободно говорил на нескольких восточных языках, переводил древние рукописи и книги, что вроде бы позволяет считать его востоковедом высокого класса. Фортунатов в своей заметке утверждает также, что, находясь в Гурьеве, Валеро-Грачев писал какие-то «работы» о своих путешествиях и о снежном человеке. Кроме этого он сообщает, что в 1930-е годы Валеро-Грачев «неоднократно докладывал в Ленинграде по вопросу о снежном человеке, но имел в связи с этим ряд неблагоприятных отзывов и получил рекомендацию от сильных в науке того времени не выступать на эту тему». Упоминаются также рукописи, якобы переданные Валеро-Грачевым в Институт востоковедения, но не получившие апробации [5]. На сегодняшний день, однако, из всех научных трудов Валеро-Грачева

удалось обнаружить лишь три — уже упоминавшееся «Сообщение» о снежном человеке в Монголии и Тибете, и два черновых перевода, правда сделаны они были не с восточных языков, как можно было бы ожидать, а с европейских (оба находятся в том же фонде Б.И.Панкратова). Это перевод трактата Таранатхи «Рудник драгоценных камней», выполненный с немецкого перевода А.Грюнведеля, и перевод с французского статьи Е.Е.Обермиллера «Тзон-кхапа пандит» [6].

В то же время удалось выявить ряд документов в петербургских архивах — главным образом, в Архиве Федеральной службы безопасности и Центральном государственном архиве, содержащих ценные биографические сведения о Валеро-Грачеве. Эти документы позволяют нам значительно приблизиться к разгадке тайны его путешествий, хотя и оставляют многие вопросы без ответа. Используя их я попытаюсь ниже реконструировать в общих чертах биографию моего героя, и в заключение сделаю некоторые выводы.

Н.В.Валеро-Грачев родился в Санкт-Петербурге 4 июля 1879 года. Его отец, как он сам утверждал, был графом, мать — простая крестьянка. Тот факт, что ребенок носил фамилию матери (Грачева), дает нам основание предположить, что он был незаконнорожденным. Фамилию своего отца-аристократа Валеро-Грачев предпочитал не называть, во всяком случае в советское время. Себя иногда, возможно, в шутку, именовал «граф Валеро». Это «Валеро», по всей видимости, является его артистическим псевдонимом (ниже мы узнаем, что Валеро-Грачев долгие годы подвизался на петербургских театральных подмостках). Отец Валеро-Грачева по профессии был скульптором — точнее, «скульптор-миниатюрист по восковой массе» [7]. В семье был еще один ребенок, девочка Анастасия 1883 года рождения.

Валеро-Грачев окончил реальное училище в Петербурге (ок. 1895-1896). Сведения о его дальнейшей жизни и занятиях вплоть «до 17-го» весьма разноречивы. Так, заполняя анкету студента в 1922, на вопросы: «Чем занимались до 1914 и с 1914 по 1917», Валеро-Грачев ответил односложно — «уроками» [8], т.е., вероятно, занимался репетиторством. (Его сестра в эти же годы была домашней учительницей). В следственном деле ОГПУ 1925 года Валеро-Грачев фигурирует как «бывший секретарь графа Орлова-Давыдова» [9]. А в 1935 году он заявил на допросе следователю, что «с детских лет до революции работал актером нерегулярно» [10]. Но главное — о своей поездке в Индию и Тибет Валеро-Грачев не упоминает нигде — ни в анкетах, ни в «беседах» со следователями, и для этого, очевидно, у него были причины.

После революции Валеро-Грачев некоторое время работал воспитателем в детдоме в Петрограде. Осенью 1920 года поступил в только что открывшийся Петроградский Институт Живых Восточных Языков (ПИЖВЯ), на монгольский разряд. Но уже летом следующего года отправился на собственные средства в годичную командировку в Монголию для языковой практики. Из поездки Валеро-Грачев вернулся в самом конце 1922 года.

Мог ли Валеро-Грачев за это время — год с небольшим — побывать с буддийскими паломниками в Тибете? Едва ли... Известно, что ургинские караваны добирались до Лхасы не менее чем за 6-7 месяцев, так что он вряд ли мог совершить столь многотрудное путешествие за такой короткий срок (и это не говоря уже о сложностях прохождения через основной тибетский пограничный кордон в Нагчу). С другой стороны, он вполне мог дойти с паломниками до Амдо (Кукунорская область) в Восточном Тибете и посетить знаменитые монастыри Лавран и Гумбум. Но это всего лишь предположение.

В архиве Академии наук в С.-Петербурге хранится открытка, отправленная Валеро-Грачевым из Даурии (Забайкалье) в Петроград проф. Л.Я.Штернбергу летом 1922 г. В ней Валеро-Грачев писал, что был в Восточной Монголии, где «трудно и почти невозможно работать из-за разных осложнений». Несмотря на это он «сделал рисунки, снял фотографии, составил словарь». Собирался поехать к ороченам, обитающим на юге Хабаровского края. Жаловался на отсутствие средств — «жить и работать приходится весьма трудно, ибо материальной помощи <получить> неоткуда. Только уроки на прокорм у инородцев, и то неохотно они идут на это» [11]. О посещении монгольских или тибетских монастырей — ни слова.

Вернувшись из Монголии Валеро-Грачев возобновил занятия в ПИЖВЯ. Его преподавателями в институте были крупнейшие востоковеды того времени — В.В.Бартольд, Е.Г.Грум-Гржимайло, В.Л.Котвич, Б.Я.Владимирцов, Н.Н.Поппе. Однако, даже им он ничего не рассказал о своем гималайском путешествии и исследованиях (Если бы рассказал, то тогда ему пришлось бы упомянуть об этой поездке в анкете студента). Одновременно с ПИЖВЯ Валеро-Грачев учится на этнографическом отделении Географического института (позднее слившегося с географическим факультетом Ленинградского госуниверситета). Поступил он в Институт, вероятно, в 1923 году. В том же самом году, 9 июля, Валеро-Грачев был принят в члены РГО. Предложившие его кандидатуру Ю.М.Шокальский (председатель Общества) и В.Л.Комаров (секретарь),

указали, что «Грачев-Валеро Н.В. работал над изучением материального быта, торговли и экономических связей с Россией монголо-бурятского населения» [12].

В начале февраля 1925 года Валеро-Грачев неожиданно был арестован. Обвинялся в контр-революционной деятельности — «оказании содействия шпиону финского Генштаба и члену монархической организации вел<икого> кн.Николая Николаевича» — В.М.Архипову [13]. Был осужден по ст.68 УК РСФСР на 3 года исправительно-трудовых лагерей с последующей трехлетней ссылкой. Таким образом вопреки сведениям Фортунатова, вторую половину 20-х он провел не на Индостанском полуострове, а на одном из «островов» архипелага Гулаг. Внезапный арест, очевидно, прервал занятия Валеро-Грачева в обоих институтах, хотя он впоследствии и утверждал, что закончил их. (Сохранилось удостоверение, выданное Валеро-Грачеву учебной частью ПИЖВЯ 20 января 1925 — за две недели до ареста — в котором он назван «студентом 3-го (последнего) курса» института. Кроме того, в анкете арестованного в графе «профессия» он сам указывает — «студент ИЖВЯ»).

В следственном деле Валеро-Грачева 1925 года есть одна любопытная подробность — на одном из допросов он сообщил следователю, что в 1924 году познакомился с индусом по имени Нума Фальц. «Этот индус спросил меня собираюсь ли я когда-либо поехать в Индию, на что я ответил, что да, я хотел бы поехать в эту страну» [14]. Из этого ответа можно заключить, что Валеро-Грачев ранее в Индии не был, а если и был, то не хотел признаваться в этом ни индусу, ни следователю.

В конце 1931 года Валеро-Грачев возвращается из ссылки в Ленинград. Здесь его встречает сестра — своей семьи у Валеро-Грачева не было — вместе с которой он проживал еще до ареста в квартире на окраине города, у Черной речки. Долго и безуспешно ищет работу. Только в феврале 1934 года ему удается устроиться инспектором промкооперации, но с апреля 1935 года он снова безработный. Повидимому, именно к этому времени — 1-ая половина 30-х — относится и сообщение Фортунатова о выступлении Валеро-Грачева с «докладами» о снежном человеке, вызвавшими неудовольствие у «сильных в науке».

23 апреля 1935 года в разгар массовых арестов в Ленинграде Валеро-Грачев был арестован вторично. На этот раз его обвинили в систематическом ведении антисоветской агитации — «распространяет среди знакомых мистическую литературу и провоцирует на нелегальный переход за границу конструктора завода им. ОГПУ Пономарева» [15].

На допросе Валеро-Грачев показал, что давал Н.Г.Пономареву книги по «йогизму, мистике и теософии», которые вывез из Бурятии в 1922 году, и даже продал ему одну, и сознался, что вел с ним разговоры о побеге из СССР. Правда, при этом заявил, что все варианты побега, предложенные им Пономареву, в действительности с его стороны были лишь «вздорным вымыслом и фантазией». Тем не менее, суд приговорил Валеро-Грачева к 5 годам лагерей. (Любопытно, что его крамольные доклады вообще не упоминаются в ходе следствия).

Одновременно с Валеро-Грачевым НКВД арестовало его сестру Анастасию и приятеля Н.Г.Пономарева. Их показания представляют несомненный интерес для нас поскольку в них всплывают новые подробности его двух путешествий. Так, по словам Пономарева, Валеро-Грачев «рассказывал, что он долгое время проживал в Индии, Монголии и знаком достаточно хорошо с жизнью восточных монахов, рассказывал, что он жил в их монастырях и занимался оккультными науками и йогизмом. Показывал мне фотографии религиозных празднеств (очевидно, те, что он сделал во время поездки в Монголию — А.А.), что и дало ему, по его словам, хорошие связи с этим духовенством, т.к. на них присутствовал» [16]. Тому же Пономареву в другой раз Валеро-Грачев сообщил, что «жил в Индии в течение 18 лет» [17].

А.В.Грачева, со своей стороны, сообщила, что в Монголии ее брат «связался с буддийскими храмами и вывез оттуда много предметов буддийского культа, часть которых имел у себя дома. Книги и предметы культа распространял среди знакомых. После поездки в 1920 году в Монголию и Бурятию стал исповедовать буддийскую религию, для чего посещал в Ленинграде буддийский храм» [18]. Сам Валеро-Грачев в своих показаниях не отрицал факта посещения буддийского храма в Старой деревне, где кстати размещалась в те годы неофициальная Тибето-Монгольская миссия, возглавляемая Агваном Доржиевым, правда, подчеркивал, что не поддерживал контактов с ламами. «В Монголо-Тибетской миссии много встречал монголов, но лично с ними связи не имею...» [19]. Общался только с бурятским ламой Бальджиром. Речь идет об известном «тибетском лекаре», проживавшем при храме и пользовавшемся большой популярностью среди жителей Старой деревни, Бальжире Зодбоеве. У него, по-видимому, Валеро-Грачев и учился тибетской медицине.

Отсидев свой срок в лагере, Валеро-Грачев снова появляется на невских берегах (очевидно, в 1940), но не надолго. В 1942 году, как сообщает Фортунатов, он был эвакуирован в тяжелом состоянии из

блокадного Ленинграда в Казахстан. О дальнейшей судьбе Валеро-Грачева мы знаем только то, что с 1945 по 1952 годы, а возможно и позднее, он работал библиографом в научной библиотеке в г.Гурьеве. В свободное время занимался тибетологией. Умер Валеро-Грачев в 1960 году [20].

Итак, знакомство с биографией Валеро-Грачева позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Из двух его восточных путешествий без сомнения можно говорить только об одном — в Забайкалье и Монголию в 1921-1922 гг., поскольку оно подтверждается независимыми источниками. Что касается сообщений Валеро-Грачева о поездках в Тибет и Индию, то есть серьезные основания сомневаться в их достоверности. При этом нельзя исключить того, что все рассказанное им о своей жизни в гималайских (или тибетских) монастырях от начала до конца является мистификацией, или, выражаясь его собственными словами, «вздорным вымыслом и фантазией». Легенду о своем многолетнем пребывании в Индии Валеро-Грачев, по-видимому, сочинил в начале 30-х годов, когда выступал в Ленинграде с докладами о снежном человеке. Мистификацией, возможно, являются и некоторые другие его утверждения, например, о своем аристократическом происхождении. Особенно, если вспомнить, что в Петербурге в конце XIX века проживал скульптор-миниатюрист Грачев Василий Яковлевич (1831-1905), который вполне мог быть его законным отцом [21].

2. Хождение Валеро-Грачева в Тибет с караваном буддийских паломников — бурят и монголов — в принципе могло состояться только в дореволюционный период, но никак не в начале 1920-х. Однако, и в этом случае, едва ли путешественнику удалось побывать в запретной для европейцев Лхасе. Что же касается его интригующих рассказов о снежном человеке в Тибете и Гималаях, то он мог их слышать от бурятских и монгольских лам, часто бывавших в тех краях.

3. Окончательный ответ на вопрос был или нет Валеро-Грачев в Индии могут дать лишь британские архивы. Ведь надо иметь в виду, что для посещения страны, бывшей в то время британской колонией он, как и любой другой иностранец, должен был иметь разрешение (визу) англо-индийского правительства. В противном случае, нам пришлось бы предположить, что «граф Валеро» проник в Индию нелегально или тайно, что кажется маловероятным, хотя и дает широкий простор для всевозможных спекуляций.

Примечания

1. Архив Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (Архив СПб Ф ИВ РАН). Ф.145, оп.3, д.8, 3 л. Сообщение Н.В.Валеро-Грачева (О диком человекообразном существе в Монголии и Тибете). Машинопись, с незначительными поправками синими чернилами, б/д.

2. Там же. Л.1.

3. Архив СПб Ф ИВ РАН. Ф.145, оп.3, д.13, 3 л. об. Машинопись. Протокол заседания комиссии по установлению трудового стажа для выплаты ежегодного денежного вознаграждения за выслугу лет. 1950-1951.

4. Фортунатов И.К. К вопросу о «снежном человеке» // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Под ред. Б.Ф.Поршнева и А.А.Шмакова. М., 1959. Вып.3. С.29-30. Заметка Фортунатова датирована 6 апреля 1959 г.

5. Там же. С.31.

6. Grunwedel A. Taranatha's Edelsteinmine. Das Buch von den Vermittlern der sieben inspirationen. Petrograd, 1914; Obermiller Eugene. Tson-kha-pa le pandit. Melanges chinois et bouddhiques. Vol.3. Bruxelles, 1935. P.319-328.

7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.7222, оп.30, д.431, л.3. Анкета студента. 19 декабря 1922 года.

8. Там же. Л.2об. На вопрос: чем занимались с 1918 г. до поступления в институт Валеро-Грачев также ответил «уроками».

9. Архив Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и области. (Архив ФСБ РФ по СПб и обл.) Дело П-85538 (1925), л.721. Обвинительное заключение.

10. Там же. Дело П-25257 (1935), л.6. Анкета к протоколу допроса Н.В.Валеро-Грачева от 25 апреля 1935 г.

11. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф.282, оп.2, д.47, л.1. Открытка, дата по почт. штемпелю: «с.Агинское, 16.06.1922».

12. Архив РГО. Ф.1, оп.1-а, д.142 (Журнал Совета РГО), л.33.

13. Архив ФСБ РФ по СПб и обл. Дело П-85538 (1925), л.721.

14. Там же. Л.383. Протокол допроса Н.В.Валеро-Грачева, 8 августа 1925 г.

15. Там же. Дело П-25257 (1935), л.38. Из обвинительного заключения Н.В.Валеро-Грачева.

16. Там же. Л.14. Протокол допроса Н.В.Валеро-Грачева от 31 мая 1935 г.

17. Там же. Л.12об.

18. Там же. Л.16. Протокол допроса А.В.Грачевой от 30 апреля 1935 г.

19. Там же. Л.7. Протокол допроса Н.В.Валеро-Грачева от 25 апреля 1935 г.

20. См.: Поршнев Б.Ф. Борьба за троглодитов. Простор (Алма-Ата). 1968. № 5. С.77.

21. Об этом скульпторе, к сожалению, нам известно очень мало, но важно отметить, что он, как предполагаемый отец Валеро-Грачева, создавал восковые миниатюры. Так, в 1885 г. В.Я.Грачев исполнил скульптурную группу из воска «Горные женщины на водопае», которую поднес Александру III, за что получил награду. Желю его звали Ольга. (РГИА. Ф.468, оп.42, д.1676, лл.50-53).

*Санкт-Петербург,
29.IV.1997*

ПРИЛОЖЕНИЕ

СООБЩЕНИЕ Н.В.ВАЛЕРО-ГРАЧЕВА

О диком, человекообразном существе в Монголии и Тибете

В течение нескольких лет мне довелось странствовать по Центральной Азии. Я был в Монголии, Забайкалье, Тибете. Владея монгольским и тибетским языками, я общался с местным населением, зачастую не подозревавшим во мне европейца.

Во время странствий нередко случалось слышать о диком человекообразном существе. В Монголии его называли «алмас» или «алмаас», в Тибете — «миге».

Впервые на моей памяти упомянул об алмаасе бурят-лама из Агинского дацана (монастыря). Он узнал, что я собираюсь отправиться с караваном паломников в Тибет, и заметил: «Иди. Только не испугайся алмааса». Потом он описал алмааса, сказав что тот выглядит как большой человек, весь — за исключением лица и ладоней рук — заросший волосами.

Лама предупредил, чтобы я не испугался заслышав крик алмааса. Крик у него очень громкий, похожий на вой. По сообщению ламы, алмаас не нападает на людей. Но животные его боятся.

Обдумывая услышанное от ламы, — продолжает Валеро-Грачев, — я вспомнил, что уже слышал о диких человекообразных существах и даже читал о них. В то время, в начале XX века, вышла книга путешественника Рокхилья — «Путешествие в страну лам».* Редактировал эту книжку Г.Е.Грум-Гржимайло. Он был моим учителем и как-то, еще до выхода книги в свет, рассказывал мне эпизод из «Путешествия». Рокхилья упоминает, как некие заросшие волосами люди бросали в караван камни.

Возможно, это были медведи? — сказал, помнится, Грум-Гржимайло. И хотя трудно было себе представить, чтобы медведь мог швырять в караван камнями, ничего более определенного ни я, ни Г<ригорий> Е<фимович> сказать тогда не могли.

Рассказы ламы из Агинского дацана заставили меня вновь вспомнить эпизод, описанный Рокхилем.

Будучи в Тибете, я множество раз имел возможность убедиться в достоверности его сообщения. Правда, мне не довелось самому встретить таинственного зверя. Однако ламы тех монастырей где я жил, изучая буддизм и тибетскую медицину, всегда, отвечая на мои расспросы о человекообразных животных, говорили о них, как о реальности. Многие видели их сами и описывали подробно, причем, в этих описаниях не имелось никаких мистических оттенков.

* Рокхиль В.В. В страну лам. Путешествие по Китаю и Тибету. Прим. Г.Е.Грум-Гржимайло. СПб, 1901.

Особенно часто сталкивались с «дикими людьми» паломники секты «шитжетба»* — странствующие аскеты. Они проводили в скитаниях большую часть своей жизни, и, по рассказам, встречали миге не только в Тибете, но и в Бутане и Непале.

Подобные рассказы я особенно часто слушал в монастырях Биндо и Сэра (Центральный Тибет). Тут описывали дикого человека как существо темнокоричневого цвета, сутуловатое, питающееся насекомыми, птицами и корнями растений. Говорили, что оно забирается высоко в горы и очень сильное, хотя ростом примерно со среднего человека. Встречались очевидцы, которые находили трупы миге, утонувшего в горных реках. Нельзя сказать, что миге встречались в Тибете на каждом шагу. Тем не менее, почти всякий монах сталкивался с ними в течение жизни один-два раза. Обычно такие встречи происходили, когда лама, углубленный в молитву, сидел тихо, без движения.

Однажды я, захваченный необычными для меня рассказами, заговорил с монахами о том, что хорошо бы поймать дикого человека. Ламы отнеслись к этим планам с интересом. Я сказал, что неплохо привезти в горы железную клетку и заманить зверя туда. Один из лам ответил: «Клетка слишком тяжела, чтобы тащить ее в горы, а зверь слишком ловок — не заманишь». — «Лучше сделать ловушку», — сказал этот лама.

Во время одной из таких бесед монахи заметили, что если мне не удастся увидеть живого миге, то мумию его увидеть легко. Она хранится в монастыре Сакья — в южном Тибете, на реке Томчу.** «Красношапочные ламы» якобы собрали там нечто вроде огромной коллекции всех известных им существ. В Сакья можно увидеть мумифицированные трупы самых разнообразных животных, начиная от мухи и кончая слоном. Вероятно, таким образом, монахи наглядно демонстрировали верующим все стадии перевоплощения духа на земле.

В дальнейшем я много раз слышал подтверждения будто в Сакье хранится мумия миге. Но побывать там самому мне не удалось.

При всем критическом подходе к рассказам простых тибетцев и ученых лам, касающихся «дикого человека», я не мог отнестись к ним без доверия. На мой взгляд, сбрасывать со счетов убежденность местного населения в том, что подобное существо действительно обитает в их стране, было бы ошибочным.

Архив СПб филиала Института востоковедения РАН.
Ф.145, оп.3, д.8, 3 л. Машинопись, правки чернилами.

* zhi-byed-pa (тиб.) — тантрийское учение, основанное Дампа Сангье

** Монастырь Сакья, вокруг которого группировалась секта с тем же названием, был основан в 1073 г.; его иерархи играли важную роль в истории Тибета.